

ВОЕННЫЕ КОНТРАЗВЕДЧИКИ

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

НКВД

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КОНТРАЗВЕДКИ

„СМЕРШ“

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1993

(1793)

Александр Бондаренко

ВОЕННЫЕ КОНТРАЗВЕДЧИКИ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

ИНФОРМАЦИЯ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Бондаренко А. Ю.

Военные контрразведчики / Александр Бондаренко. — М.: Молодая гвардия, 2019. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1793).

ISBN 978-5-235-04688-7

Настоящая книга — это рассказ о столетней истории и славных боевых делах военной контрразведки ВЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ — ФСБ России, а также — о ее людях. Но это не биография одной конкретной личности и не сборник очерков. Говоря об истории службы, автор постарался рассказать о многих ее сотрудниках, что позволит читателю получить достаточно полное представление о людях, в разное время осуществлявших контрразведывательную деятельность в войсках, и о той работе, которую они выполняли.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

16+

© Бондаренко А. Ю., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

Военная контрразведка — это огромная тяжелая работа...

В. Богомолов. Момент истины

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разведка стара как мир, подтверждение чему находится даже в Библии. Во все времена и для любого государства наибольший интерес представляли вооруженные силы и военные планы соседей, но до конца XVIII века ни в каких странах не существовало специальной разведывательной службы, а разного рода разведывательные структуры в армиях создавались исключительно в военное время. Зато в XIX столетии эти структуры постепенно, но повсеместно превратились в постоянно действующие службы, обеспечивающие вооруженные силы необходимой информацией о противнике.

Ну а борьбу с «военным шпионством» издавна вела военная контрразведка.

Хотя контрразведка — антагонист разведки, она существует и активно действует параллельно и одновременно с ней, но все-таки эти две службы можно уподобить родным сестрам, первая из которых безусловная красавица, всеми почитаемая и превозносимая, а вторая... Нет, она отнюдь не дурнушка, но внешне далеко не столь эффектна, к тому же — строга, порой резка в обращении, скрытная и многознающая... Простейшее тому подтверждение: каждый без труда может вспомнить имена «легендарных разведчиков», но, говоря про контрразведку, мало кто блеснет знаниями далее «майора Пронина» и героев книги «Момент истины» («В августе сорок четвертого»). Притом «сестры» эти связаны кровными узами и друг без друга существовать не могут — достаточно сказать, что контрразведка лишится объекта своей работы, а разведка без должного противодействия просто деградирует, исчезнет само понятие «искусство разведки»... Взаимосуществование разведки и контрразведки — ярчайший пример диалектического «единства и борьбы противоположностей». Еще его можно уподобить странной шахматной игре, когда «игрок», предугадав очередной ход противника, его не ждет, но спешит не в очередь сделать свой упреждающий ход, причем не всегда для противника

видимый...

Наша книга посвящена той из «сестер», которая менее знаменита «в обществе», — военной контрразведке. Ее подробную, но малоизвестную дотоле историю мы и хотим поведать читателю.

Известно, что история любой из спецслужб — дело непростое и вообще темное. В большинстве случаев заинтересованному читателю предлагаются сборники очерков, в которых нередко очень ярко и увлекательно, но в допустимых, разумеется, пределах рассказывается о неких легендарных операциях, славных делах или громких провалах, о героях «тайной войны», изобличенных предателях и тому подобном. Безусловно, такая информация нужна и полезна, она востребована, она создает «имидж» ведомства. Вот только «историей» конкретной спецслужбы подобную книгу можно называть с большой натяжкой. Ведь по объему работы и привлеченному количеству сотрудников все эти «легендарные операции» представляют собой лишь какие-то доли процента общей деятельности данной спецслужбы. Да, они принесли огромную пользу, пресекли деятельность опасного агента противника, были эффектны и эффективны, при определенных условиях вызвали огромный общественный резонанс, но если их сравнивать со всей остальной работой, проведенной в то же самое время другими подразделениями данного ведомства по всем прочим направлениям, то это окажется даже не «верхушкой айсберга», но экзотическим цветком, на «верхушке» выросшим.

Так что не упомянуть об этих операциях нельзя, но сводить всю историю исключительно к ним — просто наивно...

Книга, которую вы сейчас раскрыли, является именно историей российской (советской) военной контрразведки, изложенной от «предыстории» (событий XIX — начала XX века), драматических подробностей ее создания в 1918 году и первых успехов в борьбе со шпионажем против Красной армии, до оперативных разработок нынешних дней. Но главное — в книге конкретно и подробно рассказано о самой этой организации: как и для чего именно она создавалась, какие коллизии

разворачивались вокруг этого, из каких структур состояла, какие задачи и по каким направлениям решала в каждый конкретный период своего существования... Особый интерес представляют вопросы роли и места органов военной контрразведки в структурах госбезопасности и военного ведомства, в их взаимоотношениях с командованием и политическим аппаратом войск, с руководством и другими подразделениями госбезопасности, с высшим партийным и государственным руководством, а также вопросы роли ВКП(б) — КПСС и влияния партии на обеспечение безопасности страны и армии.

Наличие всей этой информации коренным образом отличает данную книгу от подавляющего большинства произведений аналогичного жанра и определяет круг ее читателей как людей, серьезно интересующихся историей спецслужб, историей вооруженных сил, а также историей нашего Отечества, ибо вряд ли нужно объяснять, что деятельность специальных служб является одним из важных слагаемых политической истории.

Можно было бы сказать, что это первая книга подобного направления, но оно не совсем так. 19 декабря 2008 года военная контрразведка торжественно отметила свое 90-летие. К этой дате по инициативе руководства 3-го Департамента ФСБ России коллективом авторов было подготовлено и выпущено в свет двухтомное подарочное издание «Военная контрразведка. История, события, люди»¹, не предназначенное для свободной продажи. Вскоре книга эта получила высокую оценку профессионалов — она была удостоена премии ФСБ России 2009 года за лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов Федеральной службы безопасности в номинации «Художественная литература и журналистика».

Автору этих строк посчастливилось стать литературным редактором двухтомника «Военная контрразведка. История, события, люди». Эта работа позволила мне не только познакомиться с большим объемом материалов по истории

военной контрразведки, но и натолкнула на идею создания самостоятельной книги на ту же тему, которая бы существенно отличалась от специфического двухтомника, предназначенного для ветеранов и действующих сотрудников спецслужб, как по расширенному содержанию, так и по характеру изложения материала.

Так возникла идея этой книги, основанной на рассекреченных документах и материалах военной контрразведки и службы безопасности ВЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ — ФСБ, полученных при содействии Департамента военной контрразведки и Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России, на воспоминаниях и интервью сотрудников спецслужб и исторических деятелей, а также — фрагментах из ряда книг серьезных и надежных авторов, давших объективные оценки глобальных событий и исторических личностей. Но применительно к тем вопросам, которым реально посвящено наше повествование, авторская позиция и оценки везде присутствуют однозначно.

Обращение в нашем издании к материалам двухтомника «Военная контрразведка. История, события, люди» также является вполне обоснованным и оправданным — подобные ссылки не только обеспечивают в ряде моментов необходимую точность формулировок, но и подтверждают достоверность и проверенность представленной информации, особенно фактической и документальной. А значит, есть надежда, что мы сумели описать историю военной контрразведки достаточно подробно и максимально объективно.

Однако все равно ждать от нашей книги «исповедального» рассказа о военной контрразведке и раскрытия всех ее «супертайн» читателю не следует — время для этого, как говорится, еще не пришло. Подобных «открытий» нет и в других книгах, что бы при том ни декларировали их авторы, предлагающие свои версии развития тех или иных событий. А иная оригинальная версия, как свидетельствует опыт исследователя, способна увести от истины гораздо дальше, нежели простое умолчание, порождающее догадки, порой и

небезосновательные. Но что делать, если спецслужбы изначально скрывают буквально всё: свой кадровый состав, агентуру и реальную численность, методы своей работы, собственную осведомленность по тем или иным вопросам? Хотя наша книга как раз и посвящена именно этим наиболее закрытым моментам — но, повторим еще раз, в разумных, допустимых пределах.

Пример? Пожалуйста! Известно ли вам, что именно из структур военной контрразведки произошли отечественные Служба внешней разведки и нынешние Пограничные органы ФСБ — бывшие погранвойска? А знаете, какой отдел 3-го Главного управления КГБ СССР оперативно обеспечивал ГРУ Генерального штаба — военную разведку? И что был такой период, когда в функции военной контрразведки борьба с иностранным шпионажем в армии не входила?

Так что есть надежда, что даже подготовленный читатель сможет найти здесь для себя еще немало неизвестного, неожиданного и достаточно интересного...

Автор книги выражает искреннюю признательность

В. П. Галицкому,

С. А. Коренкову,

В. И. Лазареву,

Н. Н. Лузану,

В. Г. Макарову,

Н. П. Маркину,

О. К. Матвееву,

В. И. Носатову,

В. Н. Серее,

А. А. Сучилину,

А. С. Терещенко,

И. Л. Устинову,

В. С. Христофорову,

К. И. Яхиену

и ряду других уважаемых товарищей, имена которых по некоторым причинам пока еще называть нельзя, за оказанную

помощь и предоставленные материалы, которые легли в основу этой книги.

Глава первая

«ДЕЛО ПЕРВОСТЕПЕННОЙ ВАЖНОСТИ...»

Любое явление в своем развитии имеет предысторию, и было бы ошибочно считать, что именно 19 декабря 1918 года, на пустом месте, у нас в стране возникла военная контрразведка. Впрочем, долгое время официально принятая точка зрения оставалась примерно таковой — так же, как писалось и про вооруженные силы, вдруг «родившиеся в боях под Псковом» 23 февраля того же 1918 года. На самом деле, как известно, регулярная армия в России была сформирована минимум три столетия тому назад, а после Октябрьской революции достаточно большая часть ее офицеров и генералов перешла в Красную армию, по этой самой причине не только разгромившей белых на полях Гражданской войны, но и перенявшей очень многие из старых традиций — не только морально-нравственного плана, но и затрагивающих область военного строительства.

Если есть армия, то неизбежно проводится и поиск вражеских лазутчиков, раскрытие возможных перебежчиков и предателей в ее рядах, дезинформация неприятеля — то есть работа по контрразведывательному обеспечению вооруженных сил. Так было и при Петре I, и еще раньше — в стрелецком войске, в княжеских дружинах, ну и так далее, — с учетом, разумеется, определенных корректив, вносимых временем и обстановкой. Нового тут ничего выдумать нельзя и без привлечения специалистов, без их опыта не обойтись. Поэтому, как бы кто и когда ни старался это отрицать, но современные органы обеспечения безопасности в войсках неразрывно связаны как с советской военной контрразведкой — особыми отделами и «Смерш», так и с контрразведывательными структурами царской России.

Хотя как самостоятельная структура военная контрразведка впервые появилась лишь перед Отечественной войной

1812 года, когда на основе так называемого «Учреждения для управления Большой действующей армией» была создана Высшая воинская полиция. 27 января 1812 года император Александр I подписал три секретных документа: приложение к данному «Учреждению...» — «Образование высшей воинской полиции», а также «Инструкцию начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полицией» и «Инструкцию директору высшей воинской полиции».

Высшая воинская полиция выполняла в интересах действующей армии функции разведки и, как это называлось, контршпионажа, а также полицейские обязанности на территориях недавно вошедших в состав империи западных губерний. Подчинена она была начальнику Главного штаба 1-й Западной армии (в 1812 году эту должность последовательно занимали генералы Н. И. Лавров, Ф. О. Паулуччи и А. П. Ермолов), а непосредственно ею руководил Я. И. де Санглен, родившийся в Москве сын французского эмигранта, впоследствии — действительный статский советник, что равнялось армейскому званию генерал-майора.

Де Санглен Яков Иванович (1776—1864). Обучался в Лейпцигском и Берлинском университетах; с 1811 года — директор Особенной канцелярии министра полиции (высший орган российской Военной разведки), в 1812—1816 годах — директор Высшей воинской полиции (российская военная контрразведка). Статский советник. Переводчик, литератор, военный историк.

Свидетельство современника:

«Я. И. де Санглен казался мне человеком честным и благородным, сколько я мог заметить в продолжении 40-летнего знакомства, не имея с ним впрочем никаких дел, кроме бесед и литературных сношений. Бескорыстие его доказывается тем, что он кончил жизнь почти в бедности, пользуясь только какою-то ничтожною пенсией. Жил он лет десять один-одинешенек в двух-трех низеньких комнатах, на даче, в Красном Селе (под Москвой), питаясь в день чашкою кофе и тарелкою супа с куском жаркого... Заставал я его всегда

за кучею газет... Начальник некогда тайной полиции, он никак не мог освободиться от того страха, который прежде наводил на других».

*Михаил Петрович Погодин,
издатель, историк, журналист и писатель*

О некоторых эпизодах контрразведывательной работы, проводимой перед самым вторжением французов, Яков Иванович рассказал в своих мемуарах, опубликованных в журнале «Русская старина» в 1883 году:

«...Государь, призвав меня, сказал:

— Я получил от берлинского обер-полицмейстера Грунера уведомление, что здесь уже несколько месяцев скрываются французские офицеры, шпионы; их должно отыскать.

Я спросил Государя, не известны ли имена их, или не означены ли какие-либо их приметы.

— Нет, — отвечал Государь, — но их отыскать должно; ты знаешь, я тебе одному верю; веди дело так, чтобы никто о нем не знал.

Я поручил трем моим чиновникам ходить каждый день по разным трактирам, там обедать, все рассматривать, выглядывать и мне о том докладывать; виленскому же полицмейстеру Вейсу поручил строгое наблюдение за приезжими из Польши... Я сам стал ходить в знаменитейший тогда трактир Кришкевича. Здесь я заметил одного крайне развязного поляка, со всею наружностью фронтовика, который не щадил шампанского и бранил Наполеона направо и налево. Возвратясь домой, я приказал полицмейстеру Вейсу попросить его ко мне. Я потчевал его чаем; узнал, что ему хотелось бы возвратиться с двумя товарищами в Варшаву, но что, вероятно, теперь никого не выпустят. Я воспользовался этим случаем, предложил ему мои услуги, призвал начальника моей канцелярии Протопопова, чтобы записать их имена и заготовить им паспорта. Между тем приказал полицмейстеру Вейсу обыскать его квартиру, выломать полы; в случае нужды трубы и печи; а гостя своего задержал разными разговорами; он назвал себя шляхтичем Дранжевским, никогда не служившим

в военной службе.

Является полицмейстер, вызывает меня; я вышел, приказав караулу гостя не выпускать. Вейсом были привезены найденные в трубе печи и под полом следующие бумаги: 1) Инструкция генерала Рожнецкого, данная поручику Дранжевскому; 2) Патент на чин поручика, подписанный Наполеоном; 3) замшевый пояс, с вложенными в него червонцами пятью тысячами; 4) Записки самого Дранжевского о нашей армии и наших генералах. Дело было ясно; недолго продолжался его допрос; он вынужден был к сознанию»².

Согласимся — сработано грубо и без санкции прокурора, но эффективно. А сколь был наивен наполеоновский агент! Отправляясь, как говорят разведчики, «в поле», с нелегальной миссией, он повез с собой не только инструкцию, содержание которой ему следовало бы запомнить, но даже и патент на свой офицерский чин. Может быть, затем, чтобы его, офицера, не повесили, как было принято вешать простых шпионов? Бог знает! Но по крайней мере все улики оказались налицо, искать не надо...

А вот и еще эпизод из мемуаров де Санглена, в котором задействован генерал-адъютант императора Наполеона — дивизионный генерал граф Луи Мари Жак Альмарик Нарбонн-Лара.

«Нарбонн от императора Наполеона прислан был к императору российскому с поздравлениями со счастливым его приездом в Вильну. От поставленного мною полицмейстера в Ковне майора Бистрома получил я через эстафету уведомление о приезде Нарбонна проселками, дабы он не видел наших артиллерийских парков и прочего, что и было исполнено.

По приезде Нарбонна в Вильну приказано было мне Государем иметь за ним бдительный надзор.

Я поручил Вейсу дать ему кучеров и лакеев из служащих в полиции офицеров. Когда Нарбонн по приглашению императора был в театре, в его ложе, перепоили приехавших

с ним французов, увезли его шкатулку, открыли ее в присутствии императора, списали инструкцию, данную самим Наполеоном, и представили ее Государю. Инструкция содержала вкратце следующее: узнать число войск, артиллерии и пр., кто командующие генералы? Каковы они? Каков дух войск и каково расположение жителей? Кто при Государе пользуется большою доверенностью? В особенности узнать о расположении духа самого императора, и нельзя ли свести знакомство с окружающими его?»³

Можно повторить то же самое: да, грубовато... Хотя думается, что нечто подобное может быть проведено и сегодня. Но что еще более интересно, это то, что к тайным операциям были причастны «первые лица» государств: император Наполеон дает разведывательное задание своему генерал-адъютанту, а император Александр не только руководит работой своей контрразведки, но и сам присутствует при вскрытии шкатулки иностранного посланника, уступив ему свою ложу в театре — понятно, что не подобало российскому императору сидеть там на пару с французским дивизионным генералом...

Так как во главе 1-й Западной армии находился военный министр генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли, то де Санглен вскоре стал громко именоваться «директором Высшей воинской полиции при военном министре» и подчиняться Барклаю непосредственно. Когда же тот сложил с себя полномочия министра, а вскоре и вовсе убыл из армии, Яков Иванович также покинул театр боевых действий, возвратившись в Петербург. Высшую воинскую полицию возглавил барон П. Ф. Розен, переведенный в военное ведомство из Министерства полиции.

В остальных армиях — во 2-й Западной, в 3-й Резервной, Обсервационной и в Дунайской — подобных органов не существовало, но так как обе Западные армии объединились в конце июля 1812 года, то Высшая воинская полиция почти сразу работала уже в интересах двух армий, а во время

Заграничного похода — и всей объединившейся действующей армии.

А вот некоторые конкретные результаты работы военной контрразведки в 1812 году: «Во время военных действий были выявлены: в Риге — купец К. Цебе, находившийся там под видом доктора по заданию прусского генерала Г. Д. Л. Йорка; в Петербурге — И. де Мобургень, посланный Сокольниковым; в Главной квартире русской армии — И. Левкович, направленный туда в июле 1812 года; в Радзивиллове — отставной польской службы капитан Скрыжинецкий; в Смоленске — Ружанский; на Дону — руководитель особой разведгруппы граф А. Платер. После оставления французами Москвы был задержан И. М. Щербачев, связанный с разведкой Наполеона в период оккупации города, а также канцелярист Орлов»⁴.

В 1812—1814 годах барон Розен был награжден орденом Святой Анны 2-й степени, а затем — алмазными знаками к нему, орденом Святого Владимира 3-й степени, прусским орденом Красного Орла 2-й степени, переведен из соответствующего статского чина в полковники, что также являлось поощрением. К тому же «за открытие фальшивых, французской фабрики, российских ассигнаций в городах Дрездене и Лейпциге, был награжден от Государя Императора перстнем с алмазными украшениями». Впоследствии он дослужился до чина действительного статского советника.

Получаемые сведения по шпионажу поступали в Военно-ученый комитет при Военном министерстве, также образованный 27 января 1812 года, — одно из его подразделений собирало и учитывало получаемую информацию, но непосредственно розыскной работы здесь не проводилось.

Высшая воинская полиция была упразднена к 1815 году. Интересно, кстати, что в царствование Александра I была и просто «Высшая полиция» — или «Комитет по делам высшей полиции», который осуществлял «нечувствительное»

наблюдение даже за первыми лицами империи, в том числе и высшими военными чинами. Внимания ее, в частности, не избежал военный генерал-губернатор Петербурга граф М. А. Милорадович — один из блистательнейших генералов, любимый в войсках и популярный в обществе. Самое удивительное, что по своей губернаторской должности он же руководил и тайным сыском в столице империи.

После «Семеновской истории» — солдатского возмущения в лейб-гвардии Семеновском полку в октябре 1820 года — было решено учредить Тайную военную полицию, которая бы отслеживала настроения не только нижних чинов, но и офицерского состава гвардии. Решение по тому времени беспрецедентное! Лейб-гвардия — это отборная, привилегированная часть воинства, одной из главных задач которой была непосредственная охрана государя, являвшегося шефом большинства гвардейских полков. Офицерами гвардии, за редким исключением, были потомственные дворяне, представители буквально всех аристократических семей, многих из которых император Александр I знал лично.

Идея принадлежала командиру гвардейского корпуса генерал-адъютанту И. В. Васильчикову, герою Отечественной войны, лихому гусару, заслужившему на полях сражений чин генерал-лейтенанта и орден Святого Георгия 2-й степени. По его рекомендации Тайную военную полицию возглавил библиотекарь гвардейского Генерального штаба и правитель канцелярии Комитета о раненых М. К. Грибовский — к тому времени уже опытный полицейский агент, сумевший стать даже членом коренной управы преддекабристского Союза благоденствия.

Сообщения агентов — таковых было двенадцать — заносятся в секретные ведомости «о быте, настроениях и разговорах в полках», в которые собирались сведения по нижеследующим вопросам:

«1) получают ли нижние чины все положенное им от казны довольствие сполна и в установленные сроки;

2) не нарушаются ли права солдатских артелей на

принадлежащие им суммы;

3) как начальники относятся к подчиненным, какие налагают наказания;

4) как и в какое время проводятся учения;

5) какие имеют место разговоры и суждения среди нижних чинов, какие циркулируют слухи;

6) каково обхождение начальников с подчиненными офицерами, и какие разговоры последние ведут о своих начальниках;

7) какие разговоры и суждения имеют место среди офицеров»⁵.

Эти задачи коренным образом отличались от задач Высшей воинской полиции, но, как читатель увидит впоследствии, оказались очень схожи с направлениями деятельности советской военной контрразведки.

Наиболее известный агент этой полиции — корнет лейб-гвардии Уланского полка А. Н. Ронов, который был завербован лично командиром гвардейского корпуса. Поставленное задание он успешно выполнил, быстро узнав о существовании тайного общества, «конституцией занимающегося». Но заговорщики — в частности полковник Ф. Н. Глинка, адъютант графа Милорадовича, ведавший его секретной канцелярией, — переиграли злосчастного корнета. На очной ставке с ним, проведенной самим генерал-губернатором, поручик Н. Д. Сенявин, сын знаменитого адмирала, заявил, что приглашал Ронина не в тайное общество, но в масонскую ложу, а про конституцию корнет придумал в корыстных целях. Масонские ложи тогда еще запрещены не были — указ выйдет в 1822 году, так что ничего противозаконного... Старания Глинки и его единомышленников, высочайшие связи и славное имя адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина — генерал-адъютанта и сенатора, а также тот досадный факт, что неудачливый агент, надеясь на успех, потратил на установление связей с предполагаемыми заговорщиками немало личных денег генерала Васильчикова, не только погубили карьеру

Ронова, с позором исключенного из полка и сосланного под надзор в деревню, но и поставили жирный крест на самой идее Тайной военной полиции, задуманной дилетантами в больших чинах.

Из истории известно, что тайное общество (слово «тайна» в нашем Отечестве всегда было одним из самых любимых, но недаром же знаменитая французская писательница Жермена де Сталь саркастически заявила: «В России все тайна, но ничто не секрет»), в которое оказались вовлечены десятки офицеров гвардии и армии, фактически беспрепятственно действовало на протяжении целого десятилетия — до того самого рокового дня, когда мятежные полки вышли на Сенатскую площадь и были расстреляны картечью.

Не будем давать оценок политическим воззрениям и планам декабристов — речь в нашей книге не о том. Однако дать оценку деятельности спецслужб, не предотвративших вооруженный мятеж, представляется затруднительным.

«Фельдъегерь, доставивший весть о кончине Александра I, привез вместе и доносы Майбороды⁶, и именные списки членов тайного общества. Копия с этих списков была отправлена в Варшаву к новому императору [Константину Павловичу]... [Николай Павлович] знал о существовании тайного общества, о цели его: он имел именной список большей части членов общества. О том знали и граф Милорадович, и много приближенных к великому князю Николаю, которому адресованы были важнейшие бумаги в Петербург, откуда сообщаемы были в Варшаву. Какие же меры были приняты к уничтожению предстоявших опасностей заговора или грозившего восстания?! Решительно никакие. Во всем выказывалось колебание, недоумение, все предоставлено было случаю: между тем как, по верным данным, следовало только арестовать Рылеева, Бестужевых, Оболенского и еще двух или трех декабристов — и не было бы 14 декабря»⁷, — писал барон А. Е. Розен, поручик лейб-гвардии Финляндского полка.

Известно, что император Александр I, получив донос

Шервуда⁸, произнес сакраментальную фразу: «Не мне их судить». В общем, можно сказать, что «в деле декабристов» со всей остротой проявилось извечное неумение или нежелание властей должным образом распорядиться полученной от спецслужб информацией. Подобных примеров в истории, и не только российской, не счесть. Но критиковать власти предрешающие не принято, сколь бы ни были они порой беспомощны и бездарны. Всегда будут виноваты другие — на другом уровне.

«События 14 декабря и страшный заговор, подготовлявший уже более 10 лет эти события, вполне доказывают ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть»⁹, — в первые же дни царствования Николая I констатировал генерал-лейтенант А. Х. Бенкендорф, начальник 1-й кирасирской дивизии.

Личность эта уже и тогда была весьма примечательна. Отважный боевой офицер, флигель-адъютант императора, Александр Христофорович в 1807—1808 годах находился в составе российского посольства в Париже, выполняя поручения по линии военной разведки. В 1812 году он прославился как командир «летучего» кавалерийского отряда и уже летом заслужил генеральский чин; осенью 1813 года отряд, которым командовал Бенкендорф, освободил от французов Голландию. Теперь генерал вступил на новую стезю, подав императору проект «Об устройстве внешней полиции».

Граф Бенкендорф Александр Христофорович (1781—1844). В службе с 1798 года. С 1803 года участвовал в боевых действиях на Кавказе, в войне с Францией 1806—1807 годов, в турецкой войне 1806—1812 годов, Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе, а также в турецкой войне 1826—1828 годов. С 1821 года — начальник 1-й кирасирской дивизии. 25 июля 1826 года назначен шефом Корпуса жандармов, командующим Императорской Главной квартирой и начальником Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Генерал от кавалерии,

сенатор, член Государственного совета и Комитета министров.

Оценка императора Николая I: «В течение одиннадцати лет он ни с кем меня не поссорил, а примирил со многими».

Итак, в июле 1826 года Александр Христофорович был назначен главным начальником вновь учрежденной «высшей полиции». Это назначение обессмертило имя Бенкендорфа, отныне — одного из ближайших сподвижников государя, ставшего за свои заслуги и графом, и генералом от кавалерии, членом Государственного совета и Комитета министров, награжденного всеми российскими орденами, вплоть до самого высшего — Святого апостола Андрея Первозванного с бриллиантами, а также ордена Святого Георгия III и IV класса.

«В 1826 году власть получила достаточно эффективный на первых порах инструмент надзора за обществом и своим собственным аппаратом. Круг обязанностей Третьего отделения был, как известно, очень широк — от “распоряжений” по делам высшей полиции до сбора сведений “о всех без исключения происшествиях”. Штат этого учреждения немногочисленный: 20 человек на момент создания и 58 при упразднении, но, исполненный служебного рвения, обладал достаточным опытом для своей работы. Главноуправляющий Третьего отделения А. Х. Бенкендорф, будучи человеком светским, все текущие дела доверял директору канцелярии своего ведомства, профессионалу высочайшего класса, М. Я. фон Фоку, который взял с собой большинство прежних коллег по Особой канцелярии Министерства полиции и Министерства внутренних дел, существовавших при Александре I. Помимо Третьего отделения, мозгового центра политического сыска, деятельность которого была строго засекречена, тайная полиция получила и “явный” исполнительный орган — Корпус жандармов»¹⁰.

О личности графа Бенкендорфа, работе Третьего отделения и службе жандармов можно рассказывать немало, но нас интересует только контрразведывательный аспект, который в данной организации отнюдь не являлся главным. К тому же,

как мы говорили, спецслужбы по-настоящему умеют хранить свои секреты, а потому документальных сведений об этой работе, о заграничной и внутренней агентуре Третьего отделения почти не сохранилось. Известно, что проживающими в России иностранцами занималась его так называемая 3-я экспедиция и что при Департаменте полиции, к которому в 1880 году перешли функции упраздненного Третьего отделения, было создано специальное подразделение, именуемое «Заграничная агентура». Их возможности в определенной степени использовались для проведения контрразведывательной деятельности, хотя гораздо больше охранные структуры интересовались разного рода революционерами и террористами. Неудивительно — разведывательная служба в те времена пребывала на совершенно ином уровне, нежели это будет в XX столетии, и противодействие ей, скорее всего, было достаточно адекватным...

В соответствии с российскими законами государственной изменой считались преступные действия российских граждан — от тайной переписки с неприятелем до предательской сдачи крепостей, — совершенные во время войны. Поэтому как самостоятельное подразделение военная контрразведка в России XIX века возникала лишь во время вооруженных конфликтов, да и то не всякий раз.

Столь одностороннее понимание существа вопроса нередко приводило к весьма плачевным результатам. В частности, отсутствие, говоря современным языком, контрразведывательного обеспечения Польской армии позволило начаться предательскому и кровавому восстанию в Варшаве в 1831 году.

Главнокомандующий Польской армией цесаревич Константин Павлович, как и его брат Александр I, любил поляков, но, в отличие от подозрительного по характеру покойного императора, очень им доверял. Великий князь буквально выпестовал Польскую армию, прекрасно ее подготовил и вооружил, а потому наивно был уверен в ответной

любви и преданности к нему поляков. Но в польских полках служило немало офицеров, воевавших под знаменами Наполеона за воссоединение и призрачную независимость своей отчизны и, мягко говоря, не питавших теплых чувств к Российской империи... К тому же личность цесаревича — несдержанного, своевольного, грубого и капризного, да еще и выказывающего полное презрение к конституции Царства Польского, — импонировала далеко не всем. Участники собраний на офицерских квартирах и в казармах не только мечтали о возрождении независимой Польши, но и ругали великого князя, искренне желая от него избавиться...

Вспомните седьмой пункт «интересов» той самой неудавшейся Тайной военной полиции, которую учреждали генералы Васильчиков и Милорадович: «...какие разговоры и суждения имеют место среди офицеров». Если бы Константин Павлович знал про эти разговоры, то не был бы столь доверчив и благодушен.

Всё же отзвуки антиправительственных «суждений» в конце концов дошли до великого князя, но, как и в деле декабристов, власти, которые он представлял в Царстве Польском, «распорядиться» информацией не сумели — можно предположить, что она была не очень убедительной. В результате цесаревич чуть было не поплатился за свою доверчивость жизнью, погибли некоторые из ближайших его сотрудников. Мятеж, созревший в казармах, выплеснулся на варшавские улицы и вскоре охватил буквально всю Польшу... Начавшееся 17 ноября 1830 года восстание было разгромлено только в начале осени 1831-го: 26 августа, в годовщину Бородина, русские войска штурмом овладели Варшавой, а 20 сентября остатки разбитой повстанческой армии бежали в Пруссию, где были разоружены.

И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк, —

писал Александр Сергеевич Пушкин, но от того не легче:

восстания вполне можно было избежать...

Про Восточную войну 1853—1856 годов, более известную как Крымская, вообще говорить не хочется... Кажется, из всех наших спецслужб тогда хорошо сработала только «научно-техническая разведка», представленная «косым Левшой» Н. С. Лескова, тульским оружейником, подковавшим блоху и сообщившим, что «англичане ружья кирпичом не чистят!». Увы, и его не услышали! А в остальном — планы и действия союзников, вторгшихся на русскую территорию, были для нашего командования полнейшей неожиданностью, тыловые казнокрады действовали с поразительной наглостью, вследствие чего армия нуждалась буквально во всем... Война в итоге завершилась позорной сдачей Севастополя, гибелью флота, фактической потерей Черного моря и унижением России...

Как сказал В. О. Ключевский: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Прошло двадцать лет и, как свидетельствуют И. И. Васильев и А. А. Зданович в своем труде «Защита военных и государственных секретов России до начала XX века»¹¹, «когда в самом начале русско-турецкой войны 1877—1878 годов нашему командованию стали известны факты об организуемых извне разведывательно-подрывных акциях против основной Дунайской армии, все свелось к рекомендациям офицерскому корпусу усилить бдительность и по возможности своими средствами противодействовать замыслу противников, действующих в интересах англичан...». В работе этой приводится очень интересное письмо, которое 4 мая 1877 года начальник полевого штаба Дунайской армии генерал-адъютант А. А. Непокойчицкий направил курьером командиру 12-го корпуса генерал-лейтенанту П. С. Ванновскому, кстати, будущему военному министру (1882—1898). Предупредив адресата о коварных планах неприятельской разведки, Артур Адамович делает следующий вывод: «Имею честь покорнейше просить учредить самый бдительный надзор за всеми лицами, не принадлежащими

к армии... К сему считаю долгом присовокупить, что желательно было бы, дабы начальники отдельных частей подтвердили своим офицерам о необходимости быть при настоящих серьезных обстоятельствах сдержанными и с посторонними лицами должны уклоняться от разговоров, имеющих военный интерес».

О нравы прекраснородушного XIX столетия! Помнится, когда облаченный во фрак Пьер Безухов болтался по Бородинскому полю, никто не только не заподозрил в нем шпиона, но даже не поинтересовался: «Кто вы, милостивый государь, что тут делаете?», зато все охотно отвечали на его вопросы... И вот теперь, в конце столетия, начальник вышестоящего штаба «покорнейше просит» корпусного командира учредить «бдительный надзор» за всеми празднующимися на театре боевых действий, а офицерам рекомендовать «уклоняться от разговоров» с ними! Неужели этому надо было учить?!

Кстати, обратимся к событию, произошедшему ровно за пять веков до Балканской войны: 1380 год, битва на поле Куликовом. Успех ее, как известно, решил «засадный полк», внезапно вступивший в бой в критический момент сражения, что, помимо всего прочего, морально сломило противника. Но о какой внезапности могла бы идти речь, если бы по берегам Дона и Непрядвы невозбранно бродили «лица, не принадлежащие к армии», а русские ратники вели бы с ними «разговоры, имеющие военный интерес»?

Так почему же то, что было понятно всем и каждому во времена великого князя Дмитрия Донского, оказалось забыто при императоре Александре II? Ответа, к сожалению, не найти...

Между тем мир катился к мировой войне. Многоразличные политические события, стремительный прогресс и, в частности, развитие военного дела существенно повысили роль разведки. На заре XX столетия, вслед за британской МИ-6¹², возникали как поганки после дождя и другие разведслужбы: германская, австро-венгерская, французская...

Действие рождает противодействие, и в то же самое время, а

то и раньше, потому что контрразведка очень часто действует на опережение, стали появляться и органы контршпионажа. В том числе и в России, разведывательная работа против которой проводилась со всех буквально направлений — европейского, азиатского, дальневосточного.

По свидетельству руководителя австро-венгерской контрразведки Максимилиана Ронге, в конце XIX столетия в России работало порядка сотни венских агентов. В 1897 году, например, Петербургским охранным отделением была раскрыта резидентура австрийской разведки, которую возглавлял действительный статский советник в отставке Парунов. Его агентами были адъютант коменданта Петропавловской крепости капитан Турчанинов, чиновник Главного штаба армии поручик Шефгет, исполняющий обязанности начальника Четвертого отделения Главного интендантского управления Лохвицкий и даже секретарь при помощнике шефа жандармов Кормилин, а также и другие лица, в большинстве своем близкие к вооруженным силам. В списке особенно интересовавших их вопросов были численность, дислокация и вооружение войсковых частей... Все шпионы были задержаны, изобличены и осуждены — за исключением капитана Турчанинова, который покончил с собой в тюремной камере.

В конце января 1902 года был арестован старший адъютант штаба Варшавского военного округа подполковник А. Н. Гримм, который с 1895 года «инициативно» — то есть он сам предложил свои услуги противнику — работал на германскую и австро-венгерскую разведки из материального интереса. Лишенный чинов и дворянского достоинства, изменник был приговорен к двенадцати годам каторжных работ. Варшавский округ тогда был форпостом, передовым во всех отношениях отрядом Русской армии — его можно уподобить последующей Группе советских войск в Германии, и также вызывал огромный интерес противника.

В 1902—1904 годах в России, а позже — уже со шведской территории, очень деятельно работал японский военный атташе подполковник Мотодзиро Акаси, который не только

получал разведывательную информацию от своих агентов, но и занимался подрывной работой. В частности, он немало сделал для финансирования так называемой Первой русской революции — вплоть до поставок оружия и боеприпасов «рабочим дружинам», членов которых тогда официально именовали столь знакомым нам словом «боевики».

Кстати, еще один очень интересный момент. В книге «На службе трех императоров»¹³ генерал от инфантерии Н. А. Епанчин писал, что «с января 1900 года в Морской академии начались занятия военно-морской игры с целью проверки нашей боевой подготовки на Дальнем Востоке». Николай Алексеевич вспоминал, как в течение трех месяцев флотоводцы и военачальники отрабатывали сценарий возможной войны, которую адмирал А. А. Вирениус, командовавший «японской стороной», начал внезапным ночным нападением на русские суда, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура. Занятия, по два раза в неделю, продолжались в течение трех месяцев, но за это время в Морской академии ни разу не побывали ни Николай II, по указанию которого проводилась оперативная игра, ни военный и морской министры, ни начальник Главного штаба. Тщательная проработка всех вопросов показала, что к войне на Дальнем Востоке Россия не готова; по итогам оперативной игры был составлен объемный по размеру секретный отчет.

Вопреки предупреждениям военных специалистов российское руководство все равно втянулось в вооруженный конфликт с Японией. Мало того! Напав в ночь на 27 января 1904 года на русскую эскадру в Порт-Артуре, японцы точно повторили план, разработанный адмиралом Вирениусом в 1900 году. «Быть может, секретный отчет об этой игре попал в руки японцев», — предполагал генерал Епанчин.

Что ж, блистательный пример работы разведки: воспользоваться для нападения на противника им же разработанным планом! Но где была военная контрразведка?!

Увы! В самом начале века «борьбой с иностранным шпионажем в вооруженных силах, то есть военной контрразведкой, частично занималось Третье (охранное) отделение Департамента полиции Министерства внутренних дел. Основной задачей Третьего отделения являлась борьба с революционным движением в стране и российской эмиграцией за рубежом. МВД ограничивалось лишь периодическим направлением циркуляров, в которых поручало жандармским управлениям и охранным отделениям усилить наблюдение за иностранными разведчиками. При этом какие-либо инструкции по организации и проведению этой работы оно не давало, да и не в состоянии было дать»¹⁴.

Как писал в своих лекциях генерал-майор Николай Степанович Батюшин, стоявший у истоков российской военной контрразведки, она «находилась всецело в руках политического сыска (жандармов), являясь его подсобным делом. Этим и объясняется то обстоятельство, что борьба с неприятельскими шпионами велась бессистемно, шпионские процессы являлись редкостью»¹⁵.

Батюшин Николай Степанович (1874—1957). Окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны с 19 октября 1904 года; с 30 июня 1905 года — старший адъютант штаба Варшавского военного округа, возглавлял разведывательную службу. В октябре 1914 года — начальник разведывательного отделения штаба Северо-Западного фронта; с 6 октября 1915 года — генерал для поручений при главнокомандующем армиями Северного фронта. В начале 1917 года возглавлял комиссию по борьбе со шпионажем при штабе фронта. Генерал-майор. С конца 1918 года — в Белом движении; после сдачи Крыма — в эмиграции.

Из служебной аттестации 1899 года:

«Отличаясь воспитанной выдержкой, держит себя с большим достоинством и служебным тактом как в обращении к старшим и начальникам, так и вообще ко всем младшим себя... Здоров,